

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.63118/3034-3259.2025.6.4.012



К вопросу о систематизации преступных посягательств на исполнение судебных решений

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Россия, sia1405@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические подходы к объекту преступных посягательств на исполнение судебных решений как разновидности преступлений против правосудия. Делается вывод о наибольшей приемлемости концепции публичных интересов в качестве такового объекта. Осуществляется научное обоснование систематизации таких преступлений. Формулируется ряд положений теоретического и юридико-технического характера.

Ключевые слова: посягательства на исполнение судебных решений, уголовное право, принцип обязательности судебных решений, объект преступления, публичные интересы в сфере правосудия.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Салмина И. А. К вопросу о систематизации преступных посягательств на исполнение судебных решений // *Lex criminalis scientiarum*. 2025. Том 2. № 4 (6). С. 353-358. doi 10.63118/3034-3259.2025.6.4.012.

Original article

On the issue of systematising criminal offences against the enforcement of court decisions

IRINA A. SALMINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Abstract. The article analyzes theoretical approaches to the object of criminal encroachments on the execution of court decisions as a type of crimes against justice. The conclusion is made about the greatest acceptability of the concept of public interests as such an object. Scientific substantiation of the systematization of such crimes is being carried out. A number of theoretical and legal-technical conclusions are formulated.

Keywords: encroachments on the execution of court decisions, criminal law, the principle of binding judicial decisions, the object of the crime, public interests in the field of justice.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Salmina I.A. On the issue of systematising criminal offences against the

enforcement of court decisions. *Lex criminalis scientiarum*. 2025, vol. 2, no. 4 (6), pp. 353-358. doi 10.63118/3034-3259.2025.6.4.012.

Начиная с периода, когда рассматриваемые преступления были систематизированы в отечественном уголовном законодательстве и интегрированы в единую главу (это произошло только в УК РСФСР 1960 г.) дискуссии велись в большей степени не по поводу названия, а по вопросу трактовки правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. И здесь можно условно выделить два подхода: узкий (правосудие рассматривается в процессуальном смысле только как деятельность суда) и широкий (в правосудие исключительно для нужд уголовного права включается также деятельность правоохранительных и исполнительных органов).

Еще в 1962 г. И.М. Черных (Тяжкова), предложила выделять процессуальное и уголовно-правовое значение правосудия. Это было вызвано необходимостью теоретически обосновать включение в главу УК о соответствующих преступлениях посягательств на содержательные, функциональные и субъектные аспекты не только исключительно судебной власти, но и содействующих ей органов и лиц, в том числе – на правильное проведение предварительного расследования и на деятельность судов всех инстанций, а также деяния, направленные против надлежащего исполнения приговоров или решений, «так как все перечисленные посягательства могут причинить ущерб правильному осуществлению правосудия» [1, с. 8].

Ей примерно же в это время вторил И.С. Власов, отмечая, что при выделении группы преступлений против правосудия органы, осуществляющие правосудие и способствующие ему, интересуют законодателя не как звено государственного аппарата и не как отрасль государственного управления, а как особый «механизм», выполняющий задачи исключительной важности [2, с. 100].

Аналогично считали и другие авторы [3, с. 88], [4, с. 125-126]. Ш.С. Рашковская, например, писала: «...Правосудие как объект уголовно-правовой охраны – понятие более широкое, чем правосудие как специфический вид государственной деятельности, осуществляемой судом» [5, с. 5].

Подобные точки зрения, при всем уважении к их авторам, могут свидетельствовать о научном конформизме, нежелании вступать в дискуссию с законодателем и государством в принципе.

Таким образом, это делалось для того, чтобы обеспечить непротиворечивость уголовно-правового регулирования, не предлагая законодательных изменений.

Уже в 2000-е годы концепция двух значений правосудия в уголовно-правовой науке была признана методологически ошибочной. Так, по мнению, И.В. Дворянскова, законодательство не может быть противоречивым. Правовые институты должны пониматься единообразно, независимо от отрасли права, которая их регламентирует. При этом нет необходимости придумывать искусственные наименования, например «органы правосудия», либо искусственно подгонять под понятие «правосудие» отличные от него явления [6, с. 119].

Относительно содержательного аспекта объекта преступлений против правосудия в науке также ведутся споры.

Примыкает к указанной проблеме на первый взгляд формальный вопрос, что считать объектом: общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации интересов судебной власти или сами эти интересы? Ввиду большого количества встречающихся в литературе позиций относительно круга и классификации деяний, входящих в гл. 31 УК РФ, обозначим лишь ключевые позиции по данному вопросу.

Например, А.В. Федоров определяет видовой объект данных преступлений как комплекс общественных отношений, связанных с отправлением правосудия. В эту систему входят, во-первых, отношения по осуществлению регламентированной законом деятельности суда

по разрешению дел в различных формах судопроизводства и, во-вторых, отношения по обеспечению данной деятельности со стороны правоохранительных органов, направленной на создание условий для реализации судебных полномочий и исполнения решений [7, с. 88].

Данный подход, акцентирующий охрану видов деятельности по реализации правосудия в рамках соответствующих общественных отношений, содержит принципиальную методологическую ошибку. Он игнорирует целостность общественного отношения как объекта преступления, фокусируясь на второстепенном элементе. В действительности ядро данных отношений составляет не деятельность, а охраняемое правовое благо, выступающее квинтэссенцией объекта. Более обоснованной нам представляется трактовка данного блага как определенного интереса (или их совокупности) судебной власти, имеющего производный характер от интересов социальных.

Правосудие как системное явление не может быть реализовано без обеспечения его деятельности со стороны органов прокуратуры, предварительного расследования и исполнения приговоров и иных судебных решений. Функциональное единство данных институтов проявляется в их общей направленности на достижение целей судебной власти на стадиях дознания, следствия, судебного разбирательства и исполнительного производства [8]. Данные органы формируют обеспечительную подсистему в рамках механизма судебной власти. Их деятельность не всегда напрямую сопряжена с отправлением правосудия в узком смысле, поскольку осуществляется на смежных с ним стадиях – досудебной (например, посредством прекращения уголовного дела) и постсудебной (например, в процессе исполнения судебного решения). Тем не менее, они являются неотъемлемыми элементами единого судебно-властного механизма, определяемого как в функциональном, так и в процессуальном смысле. Указанный механизм инициируется на первой стадии процесса и завершает свою работу по окончании последней. Следовательно, хотя его центральным звеном и выступает собственно судебное разбирательство, его эффективное функционирование невозможно без подготовительной и исполнительной составляющих. При этом все стадии – досудебные, судебные и постсудебные (исполнительные) – объединены общим интересом судебной власти в соблюдении установленных законом правовых условий. Нарушение данных условий на любом этапе дестабилизирует работу всей системы.

В этой связи А.И. Друзин справедливо отмечает, что эффективность и воспитательное значение судебного акта зависят не только от того, соблюден ли закон при его вынесении, но в не меньшей степени от того, как он исполнен. Вряд ли можно говорить о достижении задач правосудия, если судебное решение не реализовано [9, с. 43].

Таким образом, проблема интерпретации объекта преступлений против правосудия остаётся предметом оживлённой научной дискуссии в отечественной уголовно-правовой доктрине. Генезис данной дискуссии восходит к дореволюционному периоду, когда её разработкой в контексте учения об объекте преступления занимались такие видные правоведы, как Н.С. Таганцев [10, с. 33-34], Н.Д. Сергеевский [11, с. 243] и Г.В. Колоколов [12, с. 234].

Из существующих в науке концепций объекта преступления (общественные отношения, социальные блага, публичные интересы) нам более всего импонирует последняя, в том числе потому, что термин интерес используется законодателем для формулировки объекта должностных преступлений («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»).

Принцип обязательности судебных решений является необходимым условием поддержания авторитета судебной власти, обеспечивает саму возможность ее функционирования и гарантирует достижение целей судопроизводства.

Кроме того, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [13] путем признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу, обеспечивается единство судебной системы страны. Статья 6 Закона

устанавливает, что вступившие в законную силу решения судов, судей, а также их законные распоряжения, требования обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных органов, должностных лиц, иных физических и юридических лиц на всей территории Российской Федерации. Аналогичные требования содержатся и в других нормативных актах, в частности, в п. 6 ст.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [14], уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве и т.д.

Таким образом, можно выделить особый подвидовой объект посягательств на порядок исполнения судебных решений, вынесенных по основаниям, вытекающим из гражданско-правовых, трудовых, семейных, административных отношений и т.п.

В группу преступлений, посягающих на порядок исполнения судебных решений, по нашему мнению, входят следующие преступления: незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ); побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ); уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) и неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ). Их интеграция объясняется следующими моментами: все они в целом посягают против правосудия; характеризуются общностью специфических признаков: будучи направленными против правосудия, нарушают общественные отношения, урегулированные нормами права, обеспечивающие исполнение судебного акта. При этом, преступление, предусмотренное ст. 321 УК, характеризуется крайней формой воспрепятствования исполнению судебного акта – совершением насилия или угрозой применения насилия); в) как правило, совершаются субъектом, на котором лежит специальная правовая обязанность, или по его инициативе.

Включение рассматриваемого деяния в гл. 31 УК РФ потребует, на наш взгляд, некоторой перегруппировки названных выше преступлений, включенных в одну группу. Первым следует указать преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, затем – ст. ст. 313 – 315 УК РФ. Преступление, предусмотренное ст. 312 УК, как частный случай неисполнения судебного акта целесообразно поместить после ст. 315 УК РФ. Такая последовательность будет, на наш взгляд, не только логичной, учитывающей взаимные связи уголовно-правовых норм, включенных в единую группу, но и отражать общественную опасность преступлений.

Сказанное позволяет определить круг посягательств на порядок исполнения судебных решений в действующем российском уголовном законе. К таковым, исходя из направленности и механизма причинения вреда охраняемым отношениям (вредоносности), безусловно, можно отнести:

- незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации;
- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи;
- уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера;
- уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений;
- неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта;
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Данный вывод, очевидно, обуславливает необходимость их интеграции в рамках главы о преступлениях против правосудия как обособленной подгруппы посягательств на порядок исполнения судебных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черных И. М. Преступления против социалистического правосудия: Автореф. дис... канд.

- юрид. наук. М., 1962.
2. Власов И. С. Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 1/18. 1964.
 3. Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972.
 4. Кригер Г. Л. Некоторые вопросы построения Особенной части Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.
 5. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. М, 1978.
 6. Дворянсков, Иван Владимирович. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.08. - Москва, 2013. – 570 с.
 7. Федоров А. В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / отв. ред. А. И. Чучаев. Калуга, 2004.
 8. Чучаев А. И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1996.
 9. Друзин А. И. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых лицами, отбывающими наказание (криминологические, организационные и уголовно-правовые аспекты). Ульяновск, 2003.
 10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 33-34;
 11. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915. С. 243.
 12. Колоколов Г. В. Уголовное право. М., 1896. С. 234.
 13. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
 14. Закон РФ от 26 июня 1992 года № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1992. № 30. Ст. 1792.

REFERENCES

1. Chernykh I.M. Crimes against socialist justice: Author's abstract of dissertation... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 1962.
2. Vlasov I.S. On the object of crimes against justice // Scientific Notes of the All-Union Scientific Research Institute of Criminal Justice. Issue 1/18. 1964.
3. Lysov, M.D. Responsibility of Officials under Soviet Criminal Law. Kazan, 1972.
4. Krieger, G.L. Some Issues in the Structure of the Special Part of the Criminal Code // Problems of Improving Criminal Law. Moscow, 1984.
5. Rashkovskaya, Sh.S. Crimes against justice. Moscow, 1978.
6. Dvoryanskova, Ivan Vladimirovich. Conceptual foundations of criminal law protection of the interests of the judiciary: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.08. - Moscow, 2013. - 570 p.
7. Fedorov A.V. Crimes against justice (questions of history, concepts and classification) / ed. by A.I. Chuchaev. Kaluga, 2004.
8. Chuchaev A.I. Crimes against justice. Ulyanovsk, 1996.
9. Druzin A.I. Prevention of crimes against justice committed by persons serving sentences (criminological, organisational and criminal law aspects). Ulyanovsk, 2003.
10. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law: Lectures. General Part. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1994. Pp. 33–34;
11. Sergeevsky N.D. Russian Criminal Law: Lecture Notes. General Part. Petrograd, 1915. P. 243.
12. Kolokolov G.V. Criminal Law. Moscow, 1896. P. 234.
13. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 31 December 1996 'On the Judicial System of the Russian Federation' // SZ RF. 1997. No. 1. Art. 1.
14. Law of the Russian Federation No. 3132 of 26 June 1992 'On the Status of Judges in the Russian Federation' // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1992. No. 30. Art. 1792.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», Вологда, Россия,

sia1405@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA A. SALMINA – Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Federal State Educational Institution of Higher Education "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service", Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Статья поступила 27.11.2025

Принята к печати 16.12.2025